

Стихи и сказки С. Я. Маршака

В литературе двадцатых годов С.Я. Маршаку принадлежит особое место. Он внес неоценимый вклад в развитие и становление литературы для детей. В его лице соединились организатор детской литературы, редактор, учитель.

О необычайно творческой атмосфере труда и блестящей выдумки, царившей вокруг Маршака, влюбленно вспоминали работавшие с ним авторы и редакторы.

Они писали о том, как «примагнитивались» к Маршаку разные люди – писатели, художники, редакторы, издатели, и все они образовывали «литературную солнечную систему», которая получила наименование «Академия Маршака».

Маршак вовлек в детскую литературу десятки людей и, в первую очередь, самого себя. «Мне и в голову не приходило, – вспоминал он впоследствии, – что я могу когда-нибудь стать детским писателем». Ему казалось, что участие в детской литературе будет лишь его «временным пристанищем». Но, как пишет исследователь его творчества М. Гаспаров, это «временное пристанище» оказалось очень длительным и стало «самой большой удачей в его литературной биографии».

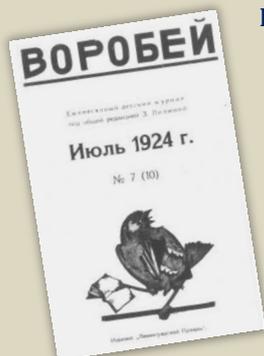
Появлению Маршака в сфере детской литературы предшествовало несколько важных событий в его биографии. Летом 1902 года юный Маршак познакомился с известным искусствоведом и художественным критиком В.В. Стасовым, и благодаря ему мальчик был переведен из воронежской гимназии в петербургскую. Здесь началась его новая жизнь. Стасов водил его в театры и музеи, в Публичную библиотеку, знакомил юношу с композиторами, писателями, художниками. В доме Стасова Маршак познакомился с М.Горьким. Узнав, что у мальчика больные легкие, писатель предложил ему поехать на юг, в Ялту, где жила его семья, и там Маршак провел два года (1904-1906).

Другим важнейшим событием была его поездка (в 1912 году), вместе с женой, в Англию. Там он изучил английский язык и поступил учиться в Лондонский университет. Во время своих путешествий молодые люди набрали на «лесную школу», или как, она иначе называлась, «Школа простой жизни», основанная педагогом Филиппом Ойлером, где народные детские песенки широко использовались в занятиях и играх. Здесь Маршак впервые познакомился с народными балладами и «с великой россыпью детского фольклора – с песенками, считалками прибаутками, здесь он начал принимать живое участие в работе и жизни детей и воспитателей.

В 1914 г. Маршаки вернулись в Россию. Освобожденный от военной службы Самуил Яковлевич уже вплотную подошел к общению с детьми – сначала в детской колонии на берегу Онежского озера, а потом в Краснодаре, где с группой педагогов он создавал «Детский городок». Именно там началась его работа – автора пьес-сказок (его соавтором была поэтесса Е.Васильева).

В 1922 году произошло главное событие: Маршак был вызван для работы в Петроград, где получил должность заведующего литературной частью ТЮЗа. Поиски авторов для создания репертуара детского театра привели его в Показательную библиотеку детской литературы при Пединституте дошкольного образования. Об этой библиотеке и ее создателе – Ольге Иеронимовне Капице (1866-1937) надо сказать отдельно. Замечательный фольклорист, собиратель детского фольклора и преподаватель детской литературы, она создала при библиотеке кружок исследователей детской литературы и «студию» детских писателей (которую впоследствии называли «колыбелью детской литературы»).

Произошла встреча необыкновенной важности между Капицей и Маршаком, библиотекой и «студией». Студия приобрела совершенно новый размах, она стала той площадкой, куда приносили свои первые книжки Б.Житков, Е. Верейская, К. Золотовский, Е. Шварц, В. Бианки, Е. Данько. Возникла необходимость печатать эти стихи и рассказы, и сначала появился небольшой альманах «Воробей»(1923-1924). Он очень быстро оказался недостаточным по своему объему для потока новой детской литературы, и в его недрах возник большой по формату и прекрасно организованный журнал «Новый Робинзон»(1924-1925).

Именно здесь получили «путевку» в литературу многие писатели. Особенно развернулась на страницах журнала литературная работа Б. Житкова, именно здесь произошло открытие «Лесной газеты» В. Бианки.

Своим творчеством Маршак создал многоголосый и многокрасочный мир поэзии, и самая большая удача в его работе пришлось на 1920-е годы. Именно тогда возникали стихи, которые совершенно по-новому открывали мир, окружавший ребенка: «Откуда стол пришел?», «Что мы сажаем, сажая леса?», «Вчера и сегодня». Эти книги пробуждали у ребенка интерес к действительности. Книги были удивительны тем, что они сочетали в себе, одновременно, и познавательный интерес, и все элементы веселой книжки.

Эту особенность поэзии Маршака отметил К. Чуковский.

В книге «От двух до пяти» он пишет о том, что стихи Маршака, которые «мы называем «потешными», «шуточными», «развлекательными», на самом деле имеют для ребенка познавательный смысл...». Отвечая Чуковскому, Маршак еще раз подтверждает познавательную ценность веселой книжки. «В раннем возрасте познание неотделимо от игры...». Элемент познавательный настолько вписывался в поэтический строй поэзии Маршака, что он доставлял ребенку лишь дополнительную радость.

Уже стал классическим пример из стихотворения «Мороженое» (речь идет о двадцатых годах прошлого века):

**Взял мороженщик лепешку,
Сполоснул большую ложку,
Ложку в банку окунул,
Мягкий шарик зачерпнул,
По краям пригладил ложкой
И накрыл другой лепешкой.**

Маршак обосновал свой теоретический взгляд на особенности детской литературы: он был убежден, что для детей надо создавать, прежде всего, стихотворения большие и сюжетные. Вместе с тем, их должна отличать абсолютная доступность восприятия и запоминания.

Читая стихотворения Маршака, легко угадываешь характерные особенности его поэтических приемов. Прежде всего, речь идет о четкой, «прозрачной» композиции стихотворения. Отталкиваясь в чем-то от кумулятивной сказки, где один эпизод тянет за собой другой и присоединяется к предыдущему,

Маршак придал известному приему больше движения и действия. К примеру, своеобразным «теремком», постоянным местом обитания в «Сказке о глупом мышонке» служит мышиная норка, куда по требованию маленького мышонка приходят одна за другой все новые и новые няньки. В отличие от привычной ситуации кумулятивной сказки, няньки в «теремке» не задерживались, но волей постоянно недовольного ими мышонка стремительно исчезали. Их исчезновения сопровождалась всегда одними и теми же действиями мамы, погоней за очередной нянькой и одним и тем же поэтическим текстом:

Побежала мышка-мать, / Стала утку в няньки звать <...>

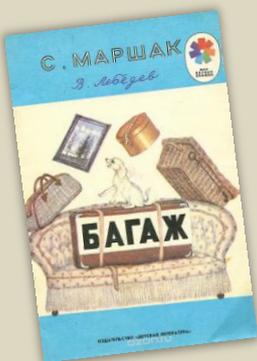
Побежала мышка-мать, / Стала жабу в няньки звать... и одинаковыми ответами мышонка «Нет, твой голос не хорош...».

Стихи, заполнявшие пространство этой певучей и изящной сказочки, не только легко запоминались, но и вели к ее сюжетному завершению – наказания капризного мышонка. Возникла увлекательная история со многими действующими лицами, а заодно, по ходу сюжета, обнаруживались вполне реальные и конкретные сведения: чем питаются, как «разговаривают», чем похожи и чем отличаются друг от друга разные «няньки»: одна предлагает мышонку червяка, другая комара, третья мешок овса, одна поет грубо, другая скучно, третья слишком громко, четвертая слишком тихо. Так, одновременно, «познавательное» легко и весело уживалось с игровым, ярким, увлекательным.

На большом сюжетном материале построены и многие другие стихотворения Маршака: «Вчера и сегодня», «Детки в клетке», «Пожар», «Почта», «Багаж».

В основе с историей «дамы» лежит перечисление семи предметов, они легко запоминаются. Но их передвижение и пропажа маленькой собачонки все время приводят в движение сюжет и позволяют познакомиться, по ходу, с действиями, голосами разных людей и хорошо узнать характер самой «дамы».

И опять мы легко угадываем прием Маршака - ведь основное место в стихотворении составляют повторы:

Дама сдавала в багаж:

Диван,

Чемодан,

Саквояж,

Картину,

Корзину,

Картонку

И маленькую собачонку.

Эти предметы будут перечисляться чуть ли не восемь раз и, конечно, легко, с удовольствием запомнятся. И именно потому, что так легко и просто запомнилась основа стихотворения, с таким живым интересом будут восприниматься немаловажные, придающие движение сюжету, подробности: как принимается багаж, как его везут, какие случаются происшествия в дороге – возникнет острая дорожная кульминация: потеря в дороге маленькой собачонки и замена ее на «огромного, взъерошенного» пса. Забавная история, похожая на анекдот, приобретает приключенческий и, вместе с тем, познавательный характер.

В большом стихотворении «Почта» Маршак вовлекает детей в огромное путешествие: отправленное из Ленинграда письмо следует за своим адресатом, который постоянно переезжает из одной страны в другую и попадает то в Берлин, то в Лондон, а то еще в Бразилию...

Письмо само

Никуда не пойдет,

Но в ящик его опусти –

Оно пробежит,

Пролетит,

Проплывет

Тысячи верст пути.

Стихотворение ритмически построено так, что оно передает всегда загадочную для нас жизнь письма. О своих поисках Маршак писал: «Нужно было найти ритм, соответствующий теме, который передает движение поезда, парохода, самолета...».

Вот письмо в поезде, и мы словно слышим перестук колес: «Пакеты по полкам / Разлбжены с толком, / В дороге разборка идет, / И два почтальона / На лавке вагона / Качаются ночь напролет».

Мы ощущаем быструю, необычайно подвижную жизнь английского почтальона: «По Бобкин-стрит, поБобкин-стрит / Шагает быстро мистер Смит / В почтовой синей кепке, / А сам он вроде щепки».

Какой контраст с этим почтальоном составляет почтальон бразильский: он движется совсем в другом ритме, возникает ощущение совсем иного, наполненного жарой пространства: «Под пальмами Бразилии, / От зноя утомлен, / Шагает дон Базилио, / Бразильский почтальон...».

Перед читателем постепенно открывается заманчивая тайна, вечная загадка, которую скрывает почтовый ящик.

Так же, как Чуковский, Маршак был сторонником энергичного стиха, в котором главное значение приобретал глагол, делающий стих упругим и сильным. Эта необычайная сила, заложенная в глаголе, полнее всего проявилась в стихотворении «Пожар».

В нем все построено на противоборстве: с одной стороны несущая в себе гибель сила стихии и, с другой, вступающая с ней в борьбу сила и воля человека. Стихотворение построено на увлекательном, стремительно развивающемся, эмоционально напряженном сюжете, снова открывающем читателю что-то новое и очень важное в его представлении о мире.

Ведь Лена всего лишь из простого любопытства чуть-чуть приоткрыла дверцу печки, и какая сразу же возникает, захватывая воображение, картина, которую Маршак создает с помощью одних лишь глаголов:

Приоткрыла дверцу Лена –

Соскочил огонь с полена,

Перед печкой выжег пол,

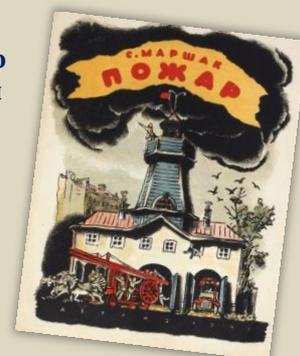
Влез по скатерти на стол,

Побежал по стульям с треском,

Вверх пополз по занавескам,

Стены дымом заволок,

Лижет пол и потолок.

Не омавиле у вкрат!
 Дня горюа слезы лет.
 Дом стора у бедной Лены
 Погоре, поле и стени.
 Плачет девочка на зарид,
 А Кузьма ей говорит:
 „Плавать, икая, не стонт,
 Новый дом для вас построят.
 Выше лодка словеса.
 Поездуйте! — вот она!
 Лена крепко зажмакнула
 И утроба понемножку.

Для этого бушующего пламени Маршак находит удивительное образное сравнение: возникает сопоставление огня с коварным, хитрым и ловким зверем – лисицей, готовой на всякие уловки, чтобы умилостивить беспощадного пожарного Кузьму. И теперь от глагола Маршак переходит к звуковому ряду, заставляя услышать лживые уговоры лисицы:

Поцади меня, Кузьма, Я не буду жечь дома...

Маршак помнил о том, что его читатель – ребенок, и поэтому, кроме истории борьбы Кузьмы с пожаром, он вводит в сюжет и существо, близкое ребенку – спасенную кошку, которая должна утешить плачущую навзрыд девочку.

Маршак доставлял читателю радость от игры словом, используя приемы «считалок», «дразнилок». Примером тому может служить стихотворение «Мяч».

Мой / Веселый / Звонкий / Мяч, / Ты куда / Помчался / Вскачь?, которое одновременно и «считалка» - конец считалки: **Лопнул, / Хлопнул – / Вот и все!**, и игра **Ты / Пятнадцать / Раз / Подряд / Прыгал / В угол / И назад,** и веселый рассказ о любимой игрушке.

Чтобы сказать об удивительном, неизвестном еще чуде водопровода, Маршак прибегает к нонсенсу, к шутке: **Речка спятила с ума – По домам пошла сама.**

Мяч.
 Мой
 Весёлый,
 Звонкий
 Мяч,
 Ты куда
 Помчался.
 Вскачь?
 Жёлтый,
 Красёный,
 Голубой,
 Не угнаться
 За тобой!
 Я
 Тебя
 Ладонью
 Хлопал.
 Ты скакал
 И звонко
 Топал.
 Ты
 Пятнадцать
 Раз
 Подряд
 Прыгал
 В угол
 И назад.
 А потом
 Ты покатился
 И назад
 Не воротился.
 Покатился
 В огород,
 Докатился
 До ворот,
 Подкатился
 Под ворота,
 Добежал
 До поворота,
 Там
 Попал
 Под колесо.
 Лопнул,
 Хлопнул —
 Вот и всё!

Целую маленькую пьеску, где проза перемежается стихами, Маршак сочинил про девочку и котенка – «Усатый-полосатый». Вся эта пьеска построена на загадках.

«Жила-была девочка. Как ее звали? <...> Сколько ей было лет? <...> Кто у нее был?» и на веселых происшествиях с котенком, который шалил, который никак не хотел спать так, как спят дети, а все делал по-котячьи, и – это опять открытие целого мира, на шутках и нонсенсах. Чего только стоит вопрос, **«Почему у дочки ... мохнатые лапы, а усы – как у папы?»**.

В своем творчестве Маршак утверждал новую традицию, традицию нонсенса, шутки, перевертыша, словесной игры. Все эти новации полнее всего нашли отражение в одном из самых знаменитых его стихотворений **«Вот какой рассеянный»**.

Как только стихотворение стало известным, Маршака буквально забросали вопросами о прототипе его героя. Можно привести один из ответов поэта: **«Рассеянный с улицы Бассейной так рассеян, что прислал мне свой адрес, по которому я никак не могу понять, где он живет. Адрес такой: Кавказ, первый перепереулок, дом Кошкина, квартира 200000. Конечно, по этому адресу его найти невозможно. <...> А пока можешь писать ему по моему адресу...»**.

Ходили слухи, что прототипом служил известный ученый И.А. Каблуков, и на полях чернового наброска у Маршака были строчки:

**В Ленинграде проживает Иван Каблуков.
 Сам себя он называет Каблук Иванов.**

Впрочем, друзья поэта, зная его необычайную рассеянность, считали, что частично прототипом стихотворения служил он сам. Ни в одном стихотворении Маршака не было такого количества перевертышей, у героя абсолютно все наоборот:

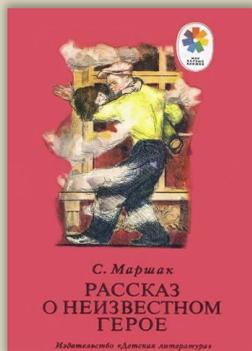
**Вместо шапки на ходу
 Он надел сковороду.
 Вместо валенок на пятки
 Натянул себе перчатки.
 Он отправился в буфет
 Покупать себе билет.
 А потом помчался в кассу
 Покупать бутылку квасу.**

Рассеянность чудака проявляется не только в его действиях, но в его жестах, но и в его обращении со словами, понятиями: **«Нельзя ли у трамвала / Вокзай остановить?»**, спрашивает Рассеянный у **«Вагоноуважаемого Вагоноуважатого»**.

Стихотворение это, доставляющее бесконечную радость читателю, по мнению К.Чуковского, способствуют интеллектуальной работе ребенка. «Лаконичные, веселые, звонкие строки “Рассеянного” полны перевертышей, – не потому ли они с давнего времени так привлекают к себе миллионы ребячьих сердец?

В том смехе, с которым дети встречают каждый поступок героя, чувствуется самоудовлетворение, не лишенное гордости: «Мы-то знаем, что сковорода – не одежда и что на ноги не надевают перчаток!». Чуковский убежден, что при чтении этого смешного стихотворения у ребенка появляется некоторое сознание своего превосходства над этим «незадачливым героем», и читатель даже возвышает себя в «собственном мнении».

Продолжая традицию большого стихотворения, в тридцатые-сороковые годы Маршак создает «Рассказ о неизвестном герое», «Мистера Твистера», позднее «Что такое год», интереснейшую «Разноцветную книгу», своеобразную книжку-картинку с иллюстрациями В.В. Лебедева, вернувшись, по существу, к многочисленным книжкам-картинкам двадцатых годов.

Из многих пьес Маршака особенное внимание привлекают «Кошкин дом» и «Двенадцать месяцев».

Обратившись к известной потешке «Тили-тили-тили бом! Загорелся Кошкин дом», Маршак создал большую пьесу, населив ее многими действующими лицами, и придал ее сюжету достаточно драматический и поучительный конфликт.

В пьесе снова проявляется стремление к шутке, к нонсенсу: уже само то, что в гости на богатый пир к кошке приходят такие разные гости, как козел, петух, свинья, заранее создает смешную ситуацию. И неудивительно, что гости никак не могут устроиться за одним столом. С каким юмором передает автор диалоги действующих лиц:

Свинья:

Вот это стол – На нем сидят!...

Коза:

Вот это стул – Его едят.

Козел:

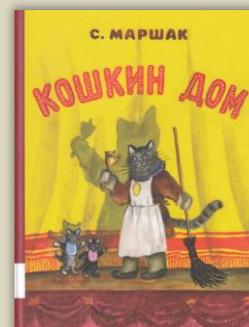
**Смотри, какие зеркала!
И в каждом вижу я козла.**

Коза:

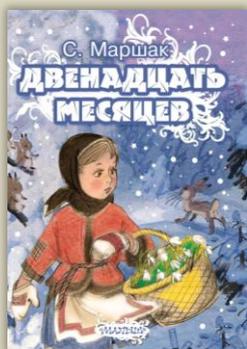
**Протри как следует глаза!
Здесь в каждом зеркале коза.**

Свинья:

**Вам это кажется, друзья,
Здесь в каждом зеркале свинья!!**

Но в пьесе Маршака есть и другие действующие лица: маленькие котятки, которых, из-за того, что они бедны, даже не пустили в дом. И когда, по условиям потешки, Кошкин дом сгорает, именно у них, а не у тех, кто был ее «достоин», Кошка находит приют и любовь. Забавное, даже сатирическое начало в сюжете ведет к финалу лирическому, доброму.

Тема одной из лучших в нашей драматургии сказок для детей «Двенадцать месяцев» – единение человека с природой.

Среди многих действующих лиц две девочки, и обе сиротки. Но одна из них – маленькая королева, которой, кажется, подчиняется все на свете. А другая – бедная падчерица, которая вынуждена подчиняться любым приказаниям злой мачехи. В их противостояние (они ничего не знают друг о друге) вмешивается сама природа в лице двенадцати месяцев. Посланная мачехой принести для королевы корзину подснежников в лютую зимнюю непогоду, падчерица встречается на поляне, у костра, со всеми месяцами: – так бывает один раз в году.

Почему ради девочки, уступая друг другу место, братья дают время апрелю? Потому что каждый из них видел ее в работе, в дружбе с ними, знал ее настолько, что апрель дарит ей обручальное колечко, как символ ее вечной неразрывной связи со всеми братьями.

Сказка полна блестящих юмористических эпизодов и диалогов, когда дело касается жизни маленькой королевы и ее придворных. Сказка очаровывает стихами, которые, как редкая инкрустация, украшают прозаический текст. Сказка дышит подлинной поэзией.

